

ходясь внѣ этой жизни, окажется и внѣ всякой личности; а потому личность станетъ разыгрывать всего только роль средства или орудія и утратить самостоятельное достоинство. Но вотъ вопросъ: по какому праву отождествили мы земное существованіе человѣка съ личнымъ существованіемъ вообще, земную жизнь человѣка, о смыслѣ которой у насъ идетъ рѣчь, съ его жизнью вообще?..

По какому праву мы утверждаемъ столь рѣшительно, какъ будто бы дѣло идетъ о завѣдомо доказанной вещи, что коль скоро цѣль, осмысливающая жизнь человѣка, находится внѣ этой жизни, то личность обращается въ одно лишь средство и утрачиваетъ всякое самостоятельное достоинство, такъ что въ силу нравственныхъ требованій мы не можемъ допустить эту цѣль жизни внѣ жизни? Ясно, что, пока вопросъ о безсмертіи научнымъ путемъ еще не рѣшенъ, а тѣмъ болѣе, если еще никѣмъ не опровергнуто утвержденіе критической теоріи познанія, что въ силу организаціи нашего ума (т. е. вслѣдствіе качественныхъ, а не количественныхъ причинъ—не потому, что онъ очень труденъ) останется для насъ навсегда неразрѣшимымъ, то во имя закона достаточнаго основанія мы еще не въ правѣ высказываться съ такою рѣшительностью. Взамѣнъ того мы должны признать слѣдующее не категорическое, но условное положеніе: *если мы не въпрямъ въ безсмертіе, то нельзя уже въпрямъ и въ смыслъ жизни*; ибо логическія требованія, вытекающія изъ